

механикъ. Постепенно, самъ того не замѣчая, Степанъ Савельевичъ дѣлался все болѣе и болѣе кабинетнымъ и ученымъ хозяиномъ и все рѣже и рѣже появлялся въ полѣ. Наконецъ, онъ вовсе пересталъ наблюдать за исполнителями, считая такое занятіе слишкомъ мелкимъ, а себя призваннымъ рѣшать важные, такъ сказать, міровые агрономическіе вопросы, и если кто-нибудь изъ числа, изнывавшихъ отъ тоски и скуки, сосѣдей, навѣщалъ доморощенного механика, то неминуемымъ образомъ заставлялъ его надъ кучей бумагъ, съ изображеніями колесъ, приводовъ и прочихъ принадлежностей какой-то сложной машины.

— Это что такое? — спрашивалъ озадаченный гость, указывая на массу чертежей и плановъ.

— Это — жнея-молотилка, это наше спасеніе, спасеніе всѣхъ землевладѣльцевъ!

Сосѣдь приходитъ въ смущеніе, и считаетъ долгомъ издалека замѣтить механику, чтобы онъ не слишкомъ углублялся, потому что это иногда плохо отзывается на здоровьѣ.

— Что! Не вѣрите? А дѣло въ сущности самое пустое, — все болѣе и болѣе одушевляясь, продолжаетъ механикъ. — Такая машина уже явилась въ южной Австраліи. Но, не смотря на то, что она разошлась въ числѣ двухъ тысячъ экземпляровъ, что была уже нѣсколько разъ испытана во Франціи, Англіи и Канадѣ, и что изобрѣтатель ея, г. Ридлей, получилъ большія выгоды, она все-таки имѣетъ огромныя неудобства, которыя я устраню.

— Какія же неудобства?

— Во-первыхъ, все основано на усиленной вертикальности; потомъ жнея-молотилка Ридлея стоитъ около семидесяти фунтовъ стерлинговъ, — какъ по писанному рѣжетъ механикъ... — Но я устраню всѣ эти недостатки, и не пройдетъ года, какъ моя жнея пойдетъ въ ходъ; тогда не нужно будетъ ни жать, ни вязать, ни возить снопы, ни молотить — все это дѣлается за одинъ разъ!

Гость слушаетъ съ напряженнымъ вниманіемъ, но ничего не понимаетъ... Наконецъ, выбившись изъ силъ, онъ, какъ можно спокойнѣе, устраивается на диванѣ и вскорѣ погружается въ пріятную дремоту, между тѣмъ, какъ въ ухахъ его продолжаютъ раздаваться мудренныя слова: шбивъ, заводъ Меллеръ и К^о, Вунтингъ и К^о, западная Канада, южная Австралія и даже какіе-то, неслыханные острова принца Эдуарда.

При всемъ этомъ, вызывая дружный смѣхъ, или недоумѣніе сосѣдей, Степанъ Савельевичъ, до конца своей жизни, оставался единственнымъ человѣкомъ въ Никольской волости, не